

2. Король А.Д., Морозова Н.И. Диалогизация университетского образования: опыт Белорусского государственного университета // Университетский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 22-27.

ФЕНОМЕН ГНОСТИЦИЗМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

PHENOMENON OF GNOSTICISM IN THE CONTEXT OF 20TH-CENTURY CULTURE: PSYCHOANALYTIC AND EXISTENTIAL ASPECTS

Е.К. Сельчёнок

E. Selchenok

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, *Selchenok@bsu.by*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, *Selchenok@bsu.by*

В статье рассматривается интерпретация гностицизма и его места в европейской культуре мыслителями XX века. Автор обозначает альтернативное понимание сути гностического мировоззрения и гностицизма как явления, существующего за рамками исторического феномена. В результате подобных интерпретаций гностицизм и гносис расширяется до неохватных размеров и становятся трудноуловимыми для анализа. Обозначенные интерпретации объясняют высокую степень интереса к гностицизму в культуре XX века.

Ключевые слова: гностицизм; гносис; аналитическая психология; юнгианство; экзистенциализм.

The article examines the interpretation of Gnosticism and its place in European culture by the thinkers of the twentieth century. The author designates an alternative understanding of the essence of the Gnostic worldview and Gnosticism as a phenomenon existing outside the historical phenomenon. As a result of such interpretations, Gnosticism and gnosis expand to an all-encompassing size and become elusive for analysis. The indicated interpretations explain the high degree of interest in Gnosticism in the culture of the twentieth century.

Keywords: Gnosticism; gnosis; analytical psychology; Jungianism; existentialism.

Гностицизм – религиозно-философский феномен культуры Поздней античности, а комплекс идей, сформировавшихся в мировоззрении гностических школ и авторских мифологий был усвоен последующей европейской культурой и был воспринят в виде гностических топов [8]. В исследовательской литературе существует множество вариантов понимания сущности феномена гностицизма и его определений. В том числе были попытки определить гносис за пределами как религии, так и философии. Например, А. В. Дьяков приходит к выводу, что здесь перед нами не что иное, как «психическая традиция»: «Это даже не

квазирелигиозная система, а, скорее, некая традиция психической культуры, успешно выполнявшая функции религии. Таков же, например, буддизм тхеравады. Однако психическая традиция – это также и не философия, хотя, конечно же, с философией здесь больше общего, чем с религией. В основании психической традиции всегда лежит философская система...» [3]. Понимание гностицизма как особого состояния психики можно видеть в предельном интересе к гностицизму экзистенциалистов и основоположника аналитической психологии К.Г. Юнга.

К. Г. Юнг начал свой путь именно в тот период, когда интерес к гностицизму в этот период становится четко осознанным, а не интуитивным, и его мировоззрение формировалось непосредственно в идейном контексте рубежа XX–XXI вв. Многие последующие рецепции гностических топосов и сама мода на эзотерику в немецкой культуре во многом связана с тем, что информация о гностицизме и о различных учениях и течениях в истории христианства стала общедоступной в результате публикации трудов зародившейся в 1880-х гг. в кругах богословов Гёттингенского университета школы истории религий (кружок Эйхгорна, А. фон Гарнак, Р. Бультман, В. Буссе, Р. Райценштайн). Р. Райценштайн изучал Герметический корпус и в 1904 г. опубликовал свои исследования. Позднее Р. Бультман адаптировал идеи Райценштайна в 1920–1930-е гг. В 1907 г. В. Буссе издает книгу «Основные проблемы гностицизма». Открытие нелитературных папирусов эллинистической эпохи приводит к перевороту в греческой филологии Нового Завета (А. Дейсман). Под руководством А. фон Гарнака, наследовавшего в своих воззрениях Шлейермахеру и пиетистам, Академией наук начали издаваться творения христианских писателей первых трех веков. Гарнак ежегодно выпускал «Jahresbericht der Kirchengewässer-Commission». Вместе с О. фон Гебхардтом еще в 1882 году (с 1907 года – с К. Шмидтом) он начал издание 45-томного издания «Тексты и исследования по истории раннехристианской литературы», в котором публиковались написанные авторитетными учёными монографии по всем вопросам христианской письменности первых трёх веков. Именно этот период и охватывает история исторического гностицизма [2, с. 2].

Серьезное увлечение Юнга гностицизмом пришлось на период с 1918 по 1926 гг. Связь основателя аналитической психологии запечатлена не только в ряде его работ («Семь наставлений мертвым», «Aion» и т.д.), но и в том, что одно из известных собраний гностических текстов, в которое входит знаменитое Евангелие Истины, носит название «Кодекс Юнга». Юнг был первым, кто прямо указал на гностические корни «Фауста» И. В. Гёте. в своей работе «Психологические типы»: «То, что сначала появилось в лице Гретхен и потом, на более высокой

ступени, стало Еленой, возвышается в конце до Matergloriosa... Я только хочу указать на то, что *мы имеем здесь дело с тем исконным образом, которым усердно занимались уже гностики*, а именно с идеей божественной блудницы – Евы, Елены, Марии и Софии-Ахамот») [13, с. 238].

Известны алхимические штудии Юнга (оказавшие прямое влияние на его идеи и работы), визионерство в духе Бёме, а также известен его глубокий интерес к герметизму. Он открыто признавал источники своих идей. Когда Юнг разрабатывал свою теорию архетипов и искал в прошлом аналогичные модели работы с пациентами, он и познакомился с гностицизмом, в котором обнаружил те же поиски архетипов, но средствами иного мышления [7, с. 20]. Его систему многие открыто именовали гностической. Мартин Бубер прямо обвинил Юнга в том, что тот является сам гностиком [10, с. 244]. Юнг считал, что гностики тоже некогда соприкоснулись с миром бессознательного. В частности, схожим с движением своих пациентов к свету осознания Юнг считал гностический миф о движении души из забвения к знанию: «Архетипические темы бессознательного суть психогенный источник гностических идей...». В работе «Семь наставлений мертвым» («Septem Sermones ad Mortuos», 1963), «что написал Василид из Александрии, города, где Восток соприкасается с Западом», Юнг, прикрываясь полуполюгендарным образом одного из крупнейших гностиков, создает миф, близкий гностическим системам античности (даже призывает божество Абракса).

С мнением Юнга о близости гностицизма и аналитической психологии согласен немецкий философ П. Козловски: «Гностический тип теории гипостазировывает, космологизирует его, психологический опыт самости – забвение и воспоминание, приводя его в общую онтологизированную связь мировой истории» [5, с. 46]. Например, София (причина падения) и Платон (забвение, следствие падения) могут быть прочитаны как «психологически толкуемые универсалии, которые могут быть переведены в формы понятийного постижения и объяснения» [5, с. 46]. По мнению теолога-юнгиста М. Стайн, аналитическая психология схожа с гностической психологией в том, что и та и другая основаны на внутреннем опыте, потому Юнг вдохновил своих последователей на поиск связей между глубинной психологией и гностицизмом: «На практике психологи-юнгисты пытаются объединить в человеке эго и его единый источник, основу его существования: Самость и коллективное бессознательное, которое и есть Плерома.... Как гностики, так и юнгисты опровергают верховенство эго, указывая, что у него есть собственный создатель, который важнее его» [11, с. 54–55]. По мнению Р. Смоули, Юнг не только обращался к гностическому наследию как клиницист, и как

визионер, но и «явился единственной по-настоящему влиятельной фигурой, вознамерившейся вернуть его в массовое сознание» [10, с. 240–241].

Наметившаяся к середине XX века интеллектуальная мода на экзистенциализм и открытие библиотеки Наг-Хаммади актуализировали отдельные аспекты гностицизма настолько, что, как отмечает М. Трофимова: «Сходные пути мысли, выявленные в гностических источниках и у современных экзистенциалистов, заслуживают быть изученными самым тщательным образом» [12, с. 23]. Правда, увлечение психологической природой гностицизма отвлекло внимание ученых от него как историко-культурного феномена. Так, например, работы Р. Бультмана отразили влияние экзистенциализма на историю богословия. Он видел сущность гностицизма в экзистенциальном понимании мира и человека: «...гностический миф в различных вариантах повествует о судьбе души... Миф отражает определенное понимание существования человека, его присутствия в мире. Здесь раскрывается радикальная инаковость человеческого Я по отношению ко всему мирскому бытию... одиночество человека в мире» [1, с. 607–608]. Также он подчеркивает, что в гностицизме развивается индивидуалистическая мистика [1, с. 613]. Как мы увидим далее, эта особенность вполне проявит себя в развитии «рейнской мистики» и немецкой классической философии.

Созвучие гностицизму обнаруживает и философия экзистенциализма, в частности, творчество М. Хайдеггера. Первым представил гностицизм в перспективе экзистенциализма Г. Йонас в своей книге «Гностическая религия» [4]. Сам Г. Йонас был экзистенциалистом, потому установленная им связь экзистенциализма с гностицизмом признана, по сути, изнутри самого течения. Экзистенциальное мировоззрение сводится к поиску различия между вещью в себе (сущностью) и вещью, как она явлена в мире (экзистенцией). Деление на *сущность* и *экзистенцию* (подлинное и неподлинное существование) соответствует гностическим топосам. Экзистенция предшествует сущности, как дух предшествует душе. Противопоставление истинного (Dasein, в широком смысле – возвышение действительности до высшей правды, до духовного бытия [6, с. 62]) и неистинного бытия проявляется в введенном в работе «Бытие и Время» понятии *das Mann*, под которым подразумевается профанный человек, недуховное существо, которое мешает человеку обнаружить и достичь своей собственной сущности, т.е. открыть в себе гнозис. Человек не знает, как создан мир и как он сам в него попал. Хайдеггер полагает, что изначально человек принадлежит некоему естественному (истинному) природному состоянию, и это единство с бытием разрушается в результате развития западной цивилизации. М. Хайдеггер говорит о

«заброшенности» в мир (Geworfenheit), что, по сути, соответствует гностическому мифу. Этот мир, в который человек «заброшен», строится на практике отчуждения, из которого надо вырваться. Соответственно, «свою задачу Хайдеггер видит в том, чтобы «пробудить» человека от антропологического забвения. Это пробуждение должно освободить человека от власти субъекта» [9, с. 1138].

Заключение. Таким образом несмотря на то, что гностицизм как религиозно-философский феномен культуры принадлежит эпохе поздней Античности, комплекс идей, сформировавшихся в мировоззрении гностических школ и авторских мифологий был усвоен последующей европейской культурой и был воспринят в виде гностических топосов. Особенно созвучен гностицизм оказался культуре XX века, в частности, юнгианству и экзистенциализму. Экзистенциальная сущность гностицизма и его близость аналитической психологии заслуживают более детального изучения. Варианты понимания гностицизма как религии, философии, мировоззренческой системы и психической традиции свидетельствуют о синкретизме и неоднозначности данного феномена и о необходимости междисциплинарного подхода к его изучению, что делает его объектом исследования культурологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бультман Р. Избранное. Вера и понимание. Том I–II / Р. Бультман ; пер. с нем. М. : РОССПЭН, 2004.
2. Гарнак А. фон. Сущность христианства. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016.
3. Дьяков А. В. Гностицизм как религия и философия [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/study/diakov.shtml>. (дата обращения: 09.01.2016).
4. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998.
5. Козловски П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме // Вопросы философии. 2000. №4. С. 37–52.
6. Лагутина И. И. Классика как инструмент национал-социалистической идеологии // Труды молодых ученых Алтайского гос. ун-та. Мат-лы XXXVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. С. 57–68.
7. Рибби А. Актуальность гностицизма в свете проблем нашей эпохи // 500 лет гностицизма в Европе: материалы конференции / под ред. М. Я. Билинкиса, Т. Б. Всехсвятской, А. Г. Петрова. М.: Рудомино, 2001. С. 20–26.
8. Сельченко Е.К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / редкол.: О.А. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. С. 474–484.
9. Семенова В.Н. Das Man // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом. 2003.
10. Смоули Р. Гностики, катары, масоны, или Запретная вера. М.: АСТ, 2008.

11. *Стайн М.*, Критика гностицизма. Прошлое и настоящее // М. Стайн, Л. Хегай, О. Телемский. К. Г. Юнг и психология мистицизма : [сборник]. М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2011. С. 49–67.
12. *Трофимова М. К.* Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979.
13. *Юнг К. Г.* Психологические типы / К. Г. Юнг; пер. с нем. С. Лорие, под ред. В. Зеленского. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.